

Августа 30 (12 сентября)

Преподобномученик
Игнатий (Лебедев)

Преподобномученик Игнатий (в миру Александр Александрович Лебедев) родился 28 мая 1884 года в городе Чухломе Костромской губернии в благочестивой семье Александра Константиновича и Марии Философовны Лебедевых. Мать его была дочерью секретаря земского суда, отец – секретарем съезда мировых судей города Чухломы. За ревностное и безупречное исполнение своих обязанностей Александр Константинович был произведен в надворные советники и награжден тремя орденами.

Александр Александрович окончил Солигаличское Духовное училище, Костромскую Духовную семинарию и в 1903 году поступил в Казанский ветеринарный институт. Наряду с занятиями в институте Александр стал регулярно посещать богослужения в Спасском монастыре в Казани, настоятель которого, архимандрит Варсонофий, стал первым духовным наставником благочестивого юноши. Живя в Казани, Александр познакомился со схиархимандритом Гавриилом (Зыряновым), которому он поведал о своем желании стать иноком. 25 апреля 1905 года отец Гавриил благословил его на иночество, сказав, что «его желание монашества есть звание Божие».

Углубляясь в чтение духовной литературы, Александр делал выписки из наиболее для него близкого и поучительного. По упадку благочестия, по обращению интересов образованного общества к материальному это время духовно чуткими людьми стало ощущаться как последнее, и потому юношу особенно интересовало то, что святые отцы говорили об этом, как советовали спастись в этих условиях.

Александр, читая Патерик, отмечал для себя: «Преподобный Пахомий, узнав, какое в последние дни будет среди иноков небрежение, леность, и помрачение, и падения и что наружность только в них будет иночества, рыдал о том горько. Явился ему Господь Иисус Христос и сказал: “Дерзай, Пахомий, и крепись, ибо семя твое духовное не оскудеет до скончания века, и многие из тех, кто придет после тебя, из глубины мрачного рва Моею помощью спасутся и явятся выше нынешних добродетельных иноков.

Ибо нынешние наставляются примером твоего жития и просвещаются добродетелями, а те, кто будут после тебя, которых видел ты во мрачном рве, не имеющие наставников, способных вывести их из мрака, собственным своим произволением отскочив от тьмы, усердно пойдут светлым путем Моих заповедей и угодными Мне явятся. Иные же напастями и бедами спасутся и сравняются великим святым. Истинно говорю тебе: они получают то же спасение, что и нынешние иноки, проводящие совершенное и непорочное житие”».

Летом 1905 года Александр попросил родителей благословить его на иноческий путь, на что и получил благословение. После этого он посетил Свято-Смоленскую Зосимову пустынь, расположенную неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры, и попросил настоятеля обители игумена Германа (Гомзина) принять его в число братии, но отец Герман благословил юношу сначала окончить институт, а затем приезжать в обитель. За послушание Александр вернулся в Казань для продолжения образования. Имея твердое намерение оставить мир, он и в Казани

жизнь свою строил так, чтобы она стала приготовлением к иночеству, всем прочим интересам предпочитая интересы духовные.

Схиархимандрит Игнатий (Лебедев)

Об этом периоде своей жизни он писал впоследствии игумении Казанского монастыря Варваре: «Как Вам известно, начатки монашества и даже самое понятие о духовной жизни я получил в Казани, во дни моего студенчества. Батюшка отец Гавриил, матушка Аполлиария, батюшка Варсонофий – вот мои земные руководители и наставники, а невидимые и небесные наставники были и есть: Царица Небесная, ко святой иконе Которой – Казанской – я всегда имею особую любовь и во дни казанского жития всегда притекал к ней; затем – святитель Варсонофий, святая обитель которого была как бы домом для души и тела моего.

В храме у святых мощей его я пережил лучшие часы и минуты моей жизни, которые не знаю, когда повторятся; службы в сей обители, за которыми я постоянно бывал, – это было воспитание моей души, моя трапеза; при одном воспоминании о них я и сейчас еще чувствую как бы некоторую духовную сытость, так они напитали меня! Еще притекал я за помощью и к святителю Гурию. Вот с кем, главным образом, и каким духовным родством связана душа моя в богоспасаемом граде Казани».

Сдав последние экзамены в институте, не дожидаясь получения диплома и не заезжая к родителям, Александр отправился в Зосимову пустынь, войдя в нее 4 мая 1908 года. «В сей день, – записал он впоследствии, – в 1908 год многогрешный Александр во исполнение своего давнего и нетерпеливого желания пришел в Смоленскую Зосимову пустынь и принят отцом игуменом Германом». Отец Герман, принимая его в обитель, сказал: «Вы исполнили послушание – окончили институт, и мы исполним наше слово – примем вас в число братии».

Зосимова пустынь славилась своим уставным богослужением. Игумен Герман считал, что только тогда монахи будут иметь успех в делании духовном,

когда будет налажено истовое православное богослужение. Служба в обители была центром жизни всех ее насельников. Она совершалась без сокращений, неспешно, с хорошим пением.

«Зосимовский инок тих и незлобив, – писал автор брошюры о пустыни, – с любовью и приветливостью встречает он каждого приходящего, не различает он бедного и богатого. Не разговорчив, не многоречив пустынный инок, но он уже одним видом своим много скажет тебе без слов. Тиха и проста по виду благословенная обитель. Дух этой великой простоты особенно запечатлен в богослужении, составляющем средоточие зосимовской жизни. Тихо и мерно идет служба. Медленно и плавно чтение и пение. Все проникнуто духом глубокого смирения и покаянного умиления. Все так благочинно и, вместе, так просто. Зосимовское богослужение сильно и неотразимо действует на душу: в нем звучит искренний голос любви к Господу и ко всем людям, как братьям о Господе».

Сразу же по поступлении в обитель Александр был определен на свое первое послушание – пасти скот. Старцем он избрал себе игумена Германа. В августе 1908 года Александр был одет в подрясник. Ему был поручен уход за скотом и лечение всех монастырских животных. Постепенно он проходил все монастырские послушания: пел на клиросе, работал в аптеке, продавал книги и иконы в монастырской лавке, выполнял полевые работы, трудился в просфорне. Конный двор также был в ведении Александра, и игумен Герман сказал однажды одному из своих духовных детей архипастырей о смиренном послушнике: «Какое у меня золото на конюшне сокрыто!»

17 марта 1910 года Александр был пострижен игуменом Германом в рясофор. По благословию старца он значительную часть своего времени посвящал чтению духовных книг, изучая труды преподобных Симеона Нового Богослова и Исаака Сирина в переводе преподобного Паисия Величковского, о котором Александр впоследствии говорил, что он наиболее точен в сохранении духа преподобных отцов. Особой любовью пользовались у Александра труды святителя Игнатия (Брянчанинова). В писаниях святителя он находил ответы на волнующие его вопросы подвижничества своего времени, в нем он видел подвижника близкого своим взглядам и переживаниям.

В начале 1915 года отец Герман представил митрополиту бумаги на пострижение в мантию Александра и других из братии. В письме схиархимандриту Гавриилу Александр писал: «Приближается день вступления в тот подвиг, на который Вы меня благословили еще десять лет тому назад. Поэтому у Вас прошу Вашего отеческого благословения и святых молитв, да укрепит Господь меня, многонемощного и многострастного, начать новую жизнь в обновленном духе с неугасающей ревностью о Господе».

В Великую среду Александр был пострижен в мантию с именем Агафон, в честь преподобного Агафона подвижника Египетского, память которого празднуется святою Церковью 2 (15) марта. В этот день он записал: «18 марта 1915 года. День пострига. Родители! И есть сын у вас – и нет его, и умер он – и жив он! (Господи! Всегда бы таким себя чувствовать!) Охватит сердце твое злоба – хватайся руками за сердце... а там на Кресте Сама Любовь – Христос распятый. Все хороши, все добры зело».

Перед исповедью отец Герман сказал постригаемому: «Если хочешь, чтобы я тебя принял от Евангелия, так вот тебе мои заповеди; если согласишься их выполнить, то я приму тебя». – «Я, конечно, согласился, – вспоминал Александр. –

Заповеди: 1) не ездить на станцию, 2) не выходить без дела за ворота, 3) не читать газеты, 4) не празднословить».

Вскоре после пострига отец Агафон тяжело заболел гриппом, который осложнился энцефалитом. Последствия этой болезни в виде паркинсонизма остались у него на всю жизнь. В это время кроме обычных своих послушаний он исполнял обязанности письмоводителя при игумене.

2(15) декабря 1918 года епископ Феодор (Поздеевский) в Троицком соборе Данилова монастыря рукоположил монаха Агафона в сан иеродиакона, а 9 октября 1920 года в храме Троицкого Патриаршего подворья Патриарх Тихон рукоположил его в сан иеромонаха.

На каких бы послушаниях отцу Агафону ни приходилось трудиться, он никогда не прерывал внутренней духовной работы. Внимательный ученик строгого старца, он воспитывал себя в нищете духовной, находя удовлетворение душе своей в строгом иноческом делании. После рукоположения в сан иеромонаха он первое время старался сторониться людей, посетителей монастыря, ограничиваясь лишь краткими ответами на задаваемые вопросы.

30 января 1923 года скончался игумен Герман, и вскоре Зосимова пустынь была закрыта. Отец Агафон по благословию иеросхимонаха Алексия (Соловьева) переехал в Москву. Его приютили духовные дети отца Алексия, жившие на Троицкой улице, неподалеку от Патриаршего подворья. Хотя семья, в которой он поселился, была многодетной, ему дали отдельную комнату, которая стала на несколько лет его кельей.

«Келья была маленькая, в одно окошечко, выходившее в сад бывшего Патриаршего подворья. Туда не проникала уличная суета. В переднем углу справа от окна стоял киот с иконами. Вдоль стены была убогая постелька, покрытая куском полосатого ситца. Кроме киота, были две большие иконы: Господа Вседержителя с Евангелием и Божией Матери Черниговской. Над постелькой висели портреты старцев. Из других святынь у батюшки были очень почитаемые им мощи святых мучеников, лежавшие в верхнем отделении киота, часть пояса Пресвятой Богородицы, мощи преподобного Сергия Радонежского в небольшом серебряном медальоне и большой медный крест – благословение из Казани», – вспоминала духовная дочь отца Агафона.

В октябре 1923 года епископ Варфоломей (Ремов) пригласил отца Агафона и некоторых других из братии Зосимовой пустыни в создаваемое им братство в Высокопетровском монастыре. 18 мая 1924 года епископ Варфоломей возвел отца Агафона в сан архимандрита и назначил заместителем настоятеля монастыря. Главным делом отца Агафона в монастыре стала исповедь монашествующих и приходящих в монастырь богомольцев. Владыка Варфоломей предоставил ему просторный левый клирос храма во имя преподобного Сергия Радонежского. Вначале отца Агафона ожидало два-три человека, но со временем людей становилось все больше и больше; он был очень внимательным духовником, и скоро вокруг него собралась самая большая паства в Петровском монастыре. Его духовническая деятельность не у всех, однако, находила сочувствие. Были прихожане, которые говорили, что он рано начал старчествовать, были скорби и от братии.

В середине 1924 года Петровский монастырь был закрыт и монашествующие нашли прибежище в одной из московских церквей на Антиохийском подворье.

Вскоре епископу Варфоломею удалось отхлопотать стоявший в то время закрытым большой холодный Боголюбский собор, находящийся неподалеку от входа в монастырь. Здесь братия подвизалась в течение нескольких лет. В это время архимандрит Агафон совершал литургию лишь в воскресные дни, в остальные дни он исповедовал на отведенном ему владыкой левом клиросе. По воспоминаниям очевидцев, отец Агафон исповедовал, сидя в маленьком креслице. Он внимательно слушал говорящего, иногда ненадолго закрывал глаза, сам говорил очень мало, лишь иногда задавая какой-нибудь необходимый вопрос; иногда только разрешит грехи, ничего не говоря, иногда скажет слово, которое точно насквозь пронзит душу. Молодых девушек, которые приходили к нему, отец Агафон старался подготовить к монашеству. Некоторые из них, наиболее решительные, сразу разрывали связи с миром и принимали монашество, другие продолжали жить в семье, учиться и работать, не оставляя намерения принять в будущем монашеский постриг.

Духовная дочь отца Агафона вспоминала впоследствии: «Руководство к монашеству не было поспешным, не было делом одного дня, оно не было и внешним; напротив, оно было как сама жизнь: постепенным, простым, повседневным, действующим во всяком случае и событии...

Основой духовного руководства, особенно для идущих по монашескому пути, было искреннее, всестороннее, без утайки откровение всех своих поступков, мыслей и даже начатков этих мыслей. Только после этого откровения батюшка принимал душу и вел ее.

Батюшка считал важным, чтоб мы следили за своими чувствами, мыслями, поступками, за своей душой, чтобы, начиная с того момента, как мы встали, мы отдавали себе отчет в том, что было не как должно.

Приходящий к старцу должен был говорить все, что он переживает, называть вещи своими именами, пусть эти помыслы были некрасивые и пусть было очень трудно их исповедовать. Но чем бывало труднее исповедовать, тем батюшка серьезней становился. Некоторым он говорил: «Я могу хоть день сидеть, слушать, как ты доберешься до главного. Вот ты показала наружность-то, а серединку-то не показала. Орешек надо расколоть, показать, что в орешке, а не только снаружи – скорлупку показать».

Если не было возможности рассказать отцу весь свой день, мы должны были записать все свои поступки и движения сердца. Иногда это не была настоящая вражда или настоящий грех, а было только мысленное приращение: «Такой-то смутил, на того-то подумала, тем-то огорчилась, на того-то посмотрела не так». Как встал, как помолился, как пошел, где рассердился, где покричал – все нужно было писать.

Одни писали кратко, другие подробно, кто как умел. Батюшка не требовал, чтобы помыслы были мудреными, напротив, он предостерегал от этого. Больше всего он любил, чтобы после каждого поступка или худой мысли было написано «простите». «Почаще это слово пиши – это самое полезное», – учил отец.

В 1926 году батюшка счел, что пришло время положить начало и монашеству. Постепенно, по благословию владыки, он начал совершать тайные постриги в рясофор. Большого батюшка не благословлял. Мы были молодые, но он говорил так: «В ряске проскочишь, – то есть справишься с искушениями в миру: ты же в миру живешь, – а в мантии – запутаешься».

Батюшка постригал очень избирательно. Постепенно подготавливал человека, тщательно выбирал имя и всегда говорил: «Так как вы без стен

монастырских и без одежды монастырской, надо менять вам имя в рясофоре, чтобы у вас был новый предстатель, чтобы вы чувствовали страх перед своим новым святым и радость, что у вас есть новый заступник”. Батюшка хотел, чтобы новая жизнь была более реальна и ощутима в условиях монашества без стен и одежды...

“Батюшка, – бывало, спрашивал его кто-нибудь, – и Вы не устаете с народом?” – “Нет, – односложно ответит он, – никогда не устаю». – “Батюшка, а Вы не боитесь, – к Вам ведь приходят люди всяких профессий: и ученые, и инженеры, и артисты – как Вы им ответите на все их вопросы?” Здесь уж батюшка молчал или только улыбался.

Он говорил мне позднее, что перед тем, как принимать народ, он всегда читал молитву о том, чтобы ему говорить людям не свои слова, а то, что угодно Богу и что им может пойти во спасение. “Прочту молитву, – говорил батюшка, – и бываю всегда покоен”.

Служение батюшки душам человеческим было глубоко самоотверженным. Когда человеку трудно давалось откровение, батюшка готов был положить последние свои силы. “Я готов всю ночь сидеть, – говорил он, – лишь бы ты все мне до конца открыл”.

Батюшка требовал очень усердного исполнения послушания в церкви, у кого оно было, требовал не только честного, но даже ревностного отношения к светским служебным обязанностям, вменяя их во святое послушание. И жизнь наполнялась до краев. Протекая в тех же внешних формах, она получала вдруг иное содержание, все делалось теперь уже во имя Бога и ради Бога – так учил батюшка. Не было великих и малых дел, так как во всем батюшка учил хранить свою совесть. Он не мог спокойно относиться к тому, когда люди делали что-то спустя рукава, и любил во всем порядок...

Все годы службы в Боголюбском храме батюшка еще ходил пешком к себе на Троицкую, правда, уже с провожатым – батюшка как бы падал вперед, его надо было поддерживать – иногда же вынужден был брать извозчика.

Большая загруженность делами наместника монастыря, а еще более – обременение народом, которого становилось все больше и больше, понуждали батюшку в летнее время искать хотя бы малого отдохновения в тишине под Москвой. Ему было необходимо почитать духовные книги, побыть наедине с Господом.

Летом 1927 года появилась такая возможность. В Загорянском (под Москвой, по Северной железной дороге) в небольшом домике над рекой поочередно жили владыка и батюшка...

В Загорянском батюшке пришла мысль устроить скит в Москве, там, где жили старшие сестры, чтобы тем самым положить начало своему городскому монастырю. Насельницами скита становились мать Евпраксия и мать Ксения, во главе со старшей монахиней Евфросинией. Икона Божией Матери “Знамение” освящала тогда комнаты загорянской дачи. Батюшка и благословил учреждаемый скит этой святой иконой, назвав его “Знаменским”.

По мысли батюшки, в скиту должны были находить приют, духовный и телесный отдых все сестры, которые вступали на путь иноческой жизни. Таких, вместе с живущими в скиту постоянно, было уже семь человек...

Батюшка очень любил скит, хотя по болезни ему было трудно часто туда подниматься. Это был чердак... высокого семиэтажного дома, стоящего к тому же на высокой горке. Скит находился в Печатниковом переулке на Сретенке,

недалеко от Петровского монастыря. Когда батюшка объяснял путь в скит, он говорил: “Сначала будет широкая лестница – это мир, а потом узенькая дорожка на чердак – это монашеский путь: там и дверь скита”».

Летом 1929 года храм во имя Боголюбской иконы Божией Матери был закрыт и братия Петровского монастыря перебралась в храм преподобного Сергия Радонежского на Большой Дмитровке.

В это время болезнь отца Агафона усилилась и ему стало трудно возвращаться к себе на Троицкую между утренней и вечерней службой. Бедная вдова, которую звали Александра, – она работала дворником и жила неподалеку от храма, – предложила ему свою комнату для отдыха. Александра устроила маленькую нишу, в которой отец Агафон мог полежать и отдохнуть между службами. Когда приходили духовные дети отца Агафона, то она им служила за столом. Впоследствии отец Агафон постриг ее в рясофор и назвал в честь преподобного Иоанна Многострадального. Она скончалась в больнице не старой еще женщиной до ареста отца Агафона.

Рождественским постом 1929 года здоровье отца Агафона резко ухудшилось, и он подал прошение архиепископу Филиппу (Гумилевскому), vicарии Московской епархии, о пострижении в схиму. 30 января в день памяти игумена Германа (Гомзина) во Владимирском приделе храма преподобного Сергия Радонежского архимандрит Агафон был пострижен в великую схиму с именем Игнатий в честь священномученика Игнатия Богоносца и в память святителя Игнатия (Брянчанинова), труды которого он издавна и глубоко полюбил. В середине декабря 1931 года отец Игнатий был арестован. В тюрьме его продержали десять дней. Хозяева квартиры, где он жил, стали настаивать, чтобы он прекратил прием духовных детей дома, и он был вынужден переехать жить в другое место, в Никоновский переулок. Монахиня Афанасия (Давыдова) и Вера Вишвякова обменяли свои квартиры на одну, и получилось три комнаты, в одной из которых поселился отец Игнатий.

В октябре 1933 года был закрыт храм преподобного Сергия на Большой Дмитровке и монахи перешли служить в храм Рождества Богородицы в Путинках. В 1934 году, перед праздником Покрова Божией Матери, священноначалие под давлением НКВД запретило схиархимандриту Игнатию прием народа в церкви, и он был отправлен на покой. Отец Игнатий сказал тогда, что поскольку для него все дети духовные равны, то он больше никого принимать на исповедь не будет. Смирясь перед постановлением церковной власти, отец Игнатий, тем не менее, болезненно переносил невозможность принимать духовных детей; некоторое время он тяжело хворал, сильно страдая от головной боли. В это время батюшка углубился в чтение святоотеческих книг, находя в них ответ и поддержку.

10 апреля 1935 года схиархимандрит Игнатий был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Тогда же были арестованы иеромонах Косма (Магда), монахини Афанасия (Давыдова) и Агафона (Комарова), Анастасия Печникова и Агриппина Дворецкая, духовная дочь протоиерея Романа (Медведя).

Обосновывая необходимость ареста старца, сотрудники НКВД написали: «Архимандрит Агафон, разыгрывая из себя юродивого (искусственно трясет руками), среди верующих пользовался авторитетом прозорливца и блаженного, имеет большое количество последователей (духовных детей), которые находятся под его полным влиянием, систематически посещают его квартиру, где он обрабатывает их в религиозном и контрреволюционном духе. При этом архимандрит Агафон внушает своим почитателям о необходимости

систематического посещения церкви, и в случае невозможности ходить в церковь из-за работы в советских учреждениях он советует уволиться с работы.

Последовательница архимандрита Агафона тайная монахиня Агапия (Агриппина Емельяновна Дворецкая) по его указанию у себя на квартире производит прием верующих, которым она предсказывает будущее и дает советы, проводя при этом антисоветскую агитацию.

Часть последователей архимандрита Агафона по возвращении из ссылки, не получив московского паспорта, по его указанию поселились под Москвой, где под его руководством проводят антисоветскую агитацию. Так, проживающая в городе Можайске монахиня Анастасия Печникова проводит среди населения систематическую антисоветскую агитацию, распространяет ложные слухи о войне и скором падении советской власти».

Во время ареста схиархимандрита Игнатия у него находилась монахиня Агафона (Комарова) и была задержана вместе с ним. 17 апреля сотрудники НКВД выписали ордер на ее арест, в котором писали: «В ночь с 10 на 11 апреля 1935 года, в момент операции по ликвидации контрреволюционной группировки монахов и церковников, в квартире руководителя группировки архимандрита Агафона Лебедева была обнаружена и задержана ночующая там без прописки тайная монахиня Евгения Викторовна Комарова, которая при допросах заявила, что она является духовной дочерью архимандрита Агафона, помогает материально и прислуживает ему, бывая у него в квартире почти ежедневно и часто ночуя там без прописки». Этого было достаточно, чтобы выдвинуть против нее обвинение в контрреволюционной деятельности.

На следующий день после ареста отец Игнатий был допрошен. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Служа в церкви в Петровском монастыре, затем преподобного Сергия и Рождества в Путинках, я имел около двухсот человек духовных детей, почитателей, которые поддерживают со мной тесную связь, систематически приходя ко мне на исповедь за советами и благословением. Когда я бывал в церкви Рождества в Путинках, туда являлось значительное число верующих, желающих поговорить со мной и получить от меня совет и благословение».

В следующий раз отец Игнатий был допрошен незадолго перед окончанием следствия.

– В предъявленном мне обвинении по статье 58, пункт 10 уголовного кодекса виновным себя не признаю. Действительно, меня на квартире ежедневно навещали мои знакомые, которые делились со мной своими переживаниями, просили у меня советов. Беседы между мной и моими знакомыми обычно были на религиозные темы. Посетители приносили мне продукты и деньги, так как я не имел средств к существованию по увольнении меня за штат в октябре 1934 года, – сказал отец Игнатий.

– Следствие располагает данными, что вы распространяли среди своих почитателей ложные слухи о якобы проводимых советской властью гонениях на религию и верующих; объясните, что именно вы говорили по этому вопросу? – спросил следователь.

– Церкви являются имуществом государства, поэтому советская власть может распоряжаться ими как угодно. При закрытии церковей верующие бывают недовольные этими мероприятиями советской власти, но должны подчиняться, хотя бы и были недовольны. Я верующих, высказывающих недовольство

закрытием храмов, призывал к терпению и указывал, что молиться можно еще в других незакрытых храмах.

4 июня 1935 года в больнице Бутырского изолятора врачи освидетельствовали схиархимандрита Игнатия и пришли к заключению, что он «страдает органическим поражением центральной нервной системы в форме энцефалита, выражающемся в скованности, резкой заторможенности движений, маскообразности и затруднении речи... По своему физическому состоянию к труду не годен».

8 июня 1935 года Особое Совещание при НКВД приговорило схиархимандрита Игнатия к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. 16 октября он был отправлен в Саровский лагерь. Из лагеря он писал духовным детям: «Наконец, после долгого странствования, я на месте, которое указал нам Господь: я в Сарове, в стенах бывшей обители! Слава Богу за все случившееся – это одно можем сказать! С Ним везде хорошо, и на Фаворе, и на Голгофе! После прочитанного мне в день рождения приговора... и после 2-х попыток (1-я – в середине, в день, когда я был выведен на свидание и на которое никто из вас не пришел к 2-м часам, а лишь с вещами поздно вечером; 2-я – 10/VII ст. ст.), и после ночного приноса сухарей в день отдания праздника Воздвижения Креста я наконец, в день памяти блаженного Андрея, без четверти семь вечера был вывезен из места своего пребывания¹ тремя военными и через двое суток довольно утомительного путешествия водворен на месте. И паки – слава Богу!»

Весной 1936 года схиархимандрит Игнатий был переведен в лагерь на станцию Сухобезводная под Нижним Новгородом, но вскоре отправлен в лагерь для инвалидов, находившийся неподалеку от города Алатыря.

17 июля, накануне дня памяти преподобного Сергия, отец Игнатий получил свидание с монахиней Евпраксией. Он очень ослабел, «сильно изменился и похудел, но все же двигался, старался рассказать о себе, очень много тихо плакал. Все узнавал батюшка, как живет возвращенный им виноград. Узнав, что все дружны, живут как жили, батюшка со слезами завещал: “Господа надо любить всем сердцем, Господь должен быть на первом месте, от веры не отречься”; “Господь всех краше, всех слаще, всех дороже, спасение в ваших руках – пользуйтесь, пока возможно”; “Он единая сладость, Он единая радость”».

18 апреля 1937 года отец Игнатий писал: «...Справляетесь ли вы в кресте² и где надо, – это полезно делать чаще: “царство Божие силою берется”...»

В это время состояние здоровья отца Игнатия резко ухудшилось и появились первые признаки пеллагры. Питание в лагере было плохим, а посылки, которые посылались духовными детьми, частью раскрадывались, частью раздавались, батюшке доставалось немного.

30 мая 1938 года отец Игнатий писал духовной дочери, монахине Евпраксии: «Сейчас 1-я и необходимая нужда – это видеть тебя; ведь 9 месяцев не видались, и это при моих неисчислимых немощах! Запроси-ка ты поскорее начальника колонии заказным письмом о разрешении свидания, на ответ приложи марки. Временами теряется голос от сердечной слабости, adonilen подбадривает, а то и руки плохо владеют. Вот и хочется чего-нибудь (вроде облегчения участи) достигнуть, пока не развалился – помолитесь. Попросите за меня. Простите».

---

¹ Из Бутырской тюрьмы

² Имеется в виду Красный Крест, где духовные дети старца пытались добиться его освобождения как инвалида.

Расстройство здоровья от пеллагры все усиливалось, и в последующих письмах отец Игнатий писал: «...Уже около 10 дней сижу с завязанными руками – получил ожог (с нарывами) от солнца 13/VI в 11 часов дня – во время пути остановился 2 раза минуты на 2, на 3 – лечу примочками перекиси марганца – воспаление еще есть... Простите».

«Радуюсь, что ты поправилась своим здоровьем, что же – в твои года и неудивительно, вот в мои года здоровье восстанавливается уже труднее: так, солнечный ожог 2 рук с 13/VI не может зажить до сих пор. За последнее время (в последнюю жару) стало делаться кружение головы при более или менее продолжительном стоянии – стремление падать назад, а вот при ходьбе – через 30 шагов падаю вперед...

Все это расстройства питания – наконец-то на 4-м году жизни в заключении – объявляя меня, и как удастся справиться с ними – не знаю. Руки горят, во рту тоже горит с кружением головы...»

«Что-то от тебя долго не было письмеца, жива ли ты и здорова? Я нахожусь на старом месте, я никуда с него не трогался. Здоровье мое как прежде, еще прибавилось две болезни: сердце и кишки не в порядке. Помяните моя болезни. Жду твоего приезда, если возможно. Простите».

5 сентября 1938 года отец Игнатий продиктовал последнее свое письмо из лагеря, так как сил писать самому уже не было: «Я жив, но здоровье мое слабовато, страдаю кишками, упадком общего питания. Чем дело кончится – не знаю. Но пути человеческия Исправляй – вся весть. Помяните в скорбях, нуждах, в болезнях и помолитесь. Простите».

Схиархимандрит Игнатий умер в тюремном лазарете на рассвете воскресного дня, 11 сентября 1938 года, в три с половиной часа утра, в день Усекновения главы святого Иоанна Предтечи. Спустя несколько дней монахиня Евпраксия приехала в Алатырь, и ей показали небольшой могильный холмик на лагерном кладбище, под которым был погребен схиархимандрит Игнатий.

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века
Московской епархии. Июнь-Август»
Тверь, 2003 год, стр. 268-285.

Библиография

ГАРФ. Ф. 10035, д. П577067.

По воспоминаниям мон. Игнатии П. Монашество последних времен.

Жизнеописание схиархимандрита Игнатия (Лебедева). М., 1998.

Монахиня Игнатия. Старчество в годы гонений. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) и его духовная семья. М., 2001.